

Матмех в 60-е — о факультете, о времени и о себе

В конце прошлого года в свет вышла книга, представляющая новый ретроспективный взгляд на то, чем жили преподаватели и студенты, какая атмосфера царил в стенах Университета несколько десятков лет назад. «Матмех ЛГУ. Шестидесятые и не только» — это сборник воспоминаний профессоров и выпускников славящегося своей историей и уникальным духом факультета.

Инициатива создания книги принадлежит сообществу бывших (в той мере, в какой к универсамтам вообще применимо это слово) матмеховцев, под руководством выпускника 1968 года, доктора экономических наук, профессора Давида Эпштейна. Эта идея родилась внезапно на одной из встреч однокурсников и единомышленников.

«В последнее время общественности предлагается весьма однобокий взгляд на то, какими были 60-е годы в нашей стране — нечто странное, мрачное, условно говоря, в стиле фильма «Стиляги». К сожалению, такой точки зрения придерживаются даже известные историки. Но на наш взгляд, эта придуманная реальность не имеет отношения к действительности, — отмечает профессор Эпштейн. — Нам, тем, кто учился и работал на матмехе с 1965 по 1970 годы, захотелось рассказать, как все было на самом деле, представить искренние воспоминания очевидцев тех событий, не акцентируя ни на чем внимание и не задавая никакого тона, никакого направления».

Работа над книгой длилась около года. Прежде всего, организаторы разработали анкету, ответы на которую могли характеризовать различные стороны жизни на математико-механическом факультете в те годы, постепенно увеличив количество вопросов до 35. Инициативной группе удалось найти более тысячи адресов электронной почты матмеховцев, многие из которых давно покинули Петербург и страну. Удивительно, но уже спустя несколько дней стали поступать ответы — выпускники и

Первая встреча со-издателей сборника в октябре 2009 года.
Слева: Сергей Иванов (выпускник 1995 года), Давид Эпштейн (выпуск 1968 года), Трегубов Владимир (выпуск 1968 года).
Справа: Яков Шапиро (выпускник 1969 года), Владимир Шклярник (выпускник 1970 года).

бывшие преподаватели с восторгом восприняли идею создания подобной книги. Как подчеркивает Давид Эпштейн, на письма откликнулись и те, кто связал свою жизнь с матмехом, и те, кто не стал математиком, но хранит счастливые воспоминания о том времени. В редакционную группу вошли выпускники матмеха Яков Шапиро, который в свое время был общественным редактором многих стенгазет, Сергей Иванов, выпустивший несколько небольших, но содержательных сборников воспоминаний о матмехе в 90-е годы, и Владимир Шклярник, на которого был возложен сбор информации. Существенную помощь в создании книги оказали преподаватели матмеха Людмила Сулягина, Яков

Никитин, Дмитрий Пляко. Всего в сборник вошло более 60 статей, очерков, заметок, фрагментов архивных материалов и студенческого фольклора. Интервью академиков М.И.Башмакова, И.А.Ибрагимова, Ю.В.Матиясевича, статьи о таких прославленных ученых, как И.П.Натансон и Л.В.Канторович, рассказы о непростых зачетах и экзаменах объединены в сборнике с веселыми студенческими воспоминаниями о работе в летних строительных отрядах, поездках на картошку, о непростом студенческом быте, о выступлениях КВН, с юмористическими стихами, гражданской и романтической лирикой. Энтузиазм, охвативший составителей и авторов сборника, претворился в яркие и насыщенные собы-

тиями и впечатлениями страницы книги. Уникальное издание сегодня словно переносит своих читателей в те далекие годы, и перед глазами оживает целая эпоха.

«Для нас было очень важно отразить и партийное, комсомольское прошлое, значение этой деятельности, которое в наше время отображается не вполне достоверно, и часто воспринимается со знаком минус, — подчеркивает Давид Беркович. — Но в те годы на матмехе всё воспринималось и делалось совершенно по-другому. В книге мы рассказываем о том, чем именно занимался комитет комсомола, какие трудности приходилось преодолевать. Комсомол учил работе в коллективе и управлению, и этот опыт затем пригодился очень многим, в том числе и мне. В то же время мы старались

внимательно относиться к воспоминаниям, избегали навешивания политических и иных ярлыков, понимая, что не имеем право сводить сегодня какие-то счёты».

Но, пожалуй, главное, что объединяет все материалы сборника — это особый дух матмеха, выражающийся в неизменном, при любых обстоятельствах, требовании доказанности и справедливости. «Математика очень строго отделяет доказанное от недоказанного, и те, кто окончил матмех, не склонны верить на слово. На матмехе учили системному подходу, и мы были готовы к любой задаче. Не секрет, что именно среди выпускников матмеха немало людей, успешно занимающихся бизнесом. Ни один другой факультет такой методической базы, умения структури-

ровать любую задачу, не давал».

Успех первой книги вдохновил матмеховцев на создание второй, охватывающей уже последующие годы, для которой сейчас уже начали собирать материал. Более того, примеру коллег с математикомеханического факультета планируют последовать и физики СПбГУ. Есть вероятность, если эта инициатива охватит и другие факультеты Университета, то мы наконец-то сможем увидеть ту самую полную и непредвзятую картину прошедших лет, которой нам сегодня так часто не хватает.

По вопросам участия в новом сборнике можно обращаться по адресу: epsteindb@gmail.com

Татьяна СЕММЕ

«Гимн матмеха — главная песня в жизни...»

Предлагаем вниманию читателей отрывки из книги
«Матмех ЛГУ. Шестидесятые и не только»

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ВАЛЕНТИНЫ ЮРАШ
(Суетиной) (курс 1959–64,
кафедра вычислительной
математики):**

Вспоминается почти анекдотичный момент. На первых курсах я занималась в лыжной секции — как человек, умеющий стоять на лыжах. Занимались на базе в Кавголово. Каталась с таких гор, что со стороны смотреть было страшно. И вот нас однажды привлекли к участию в Первомайском параде — как спортсменов. Было бесчисленное число тренировок. Но самый юмор начался, когда нам выдали спортивную форму. Это был обычный спортивный костюм цвета выцветшего бледно-голубого неба. Все наши девочки чуть не попадали в обморок: это был излюбленный цвет производимого тогда женского (простите) белья. Вместе мы еще могли где-то показаться. А поодиночке — по каждой из нас пла-

кал Кащенко. На Дворцовую площадь нам пришлось добираться в них. Ведь переодеться было негде. Не помню сам парад. Но обратно мы тоже старались ехать вместе, прихватив какой-нибудь флажок. Жаль, это не осталось на фотографии...

О нашем питании. На факультете была довольно дешевая столовая. Полпорции супа без мяса стоило 6 коп. Котлета стоила 9 коп. Но мы часто брали гарнир, который нам поливали подливой от мяса или печени. А если денег хватало на два гарнира, то мы были почти счастливы. Как-то встречаю Валю Ерзунову. Спрашивает: «Ты куда?» — Я говорю: «В столовую». Она отвечает: «Счастливая, а я оттуда.» Рядом с Главным зданием была Академичка — столовая для преподавателей. Но запрета и для нас не было. Там на столах стояли бесплатно хлеб, горчица и квашеная капуста. (Бесплатный хлеб в столовых был до осени 1963 г,

когда из-за сильного неурожая возникли проблемы, появились гороховые батоны, муку выдавали по талонам к праздникам и пр. — ред.) Мы покупали пару стаканов чая и ели то, что бесплатно. И удивлялись, почему нас никто не гонял. Но люди, видимо, понимали, что мы это делаем не от хорошей жизни. Иногда роскошествовали: заходили на Невском в бульонную, брали чашку горячего бульона и пару или даже тройку пирожков. Бульон был безумно вкусным. Всегда горячий и с перчиком. У меня потом такой не получался. А пирожки — вообще сказка. А когда заходили в Елисейевский на Невском, от запаха кружилась голова. И ассорти — на экране на стене. Меня интересовала только польская колбаса, 1 руб. 60 коп. за килограмм. Разорвалась, покупала 150 граммов. И если хватало силы воли, то доносила до дома. Но чаще всего половину съедала дорогой, прямо без хлеба.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИРИНЫ РОЗЕНБЕРГ (курс 1967–73):

Первые сильные впечатления — чтение [учебника] Фихтенгольца и лекции по высшей алгебре А.В.Яковлева. Теория множеств несколько примирила меня с необходимостью решать системы уравнений. Во втором семестре высшую алгебру и аналитическую геометрию читал у нас М.И.Башмаков, предпославший своим лекциям эпиграф «А кошка отчасти идёт по дороге, отчасти — по воздуху плавно летит». Вот эти полёты меня увлекали. «Гомоморфный образ группы изоморфен фактор-группе по ядру гомоморфизма» — дело нехитрое, а как красиво звучит!

Как ни странно, одной из наиболее запомнившихся была преподавательница английского Марина Михайловна Скородумова. Немного старше нас, она обладала очевидным педагогическим даром. На её занятиях не было простое, оба часа были интенсивно использованы. Мне она сказала при сдаче первых «тысяч»: «Вы переводите правильно, у вас есть чувство языка, но я хочу, чтобы вы это осознавали грамматически. У вас я буду спрашивать грамматику». Через очень много лет я всё ещё пользуюсь этим ключиком, хотя большинству моих знакомых, желавших понимать английский и/или изъясняться на нём, пришлось заканчивать курсы.

Ещё одна преподавательница пыталась сделать из меня человека — Нина Борисовна Маслова: она вела у нас практику по матанализу. Я тогда понятия не имела о «масловских чтениях», о Революте Пименове, и Нина Борисовна была просто авторитетным и строгим преподавателем. До сих пор помню её тихий голос, улыбку и рекомендацию (общую, не мне лично): «Утром встали — вместо зарядки исследуйте пару интегралов на сходимости...»

Из лекторов, кроме вышеупомянутых, отмечу Сергея Васильевича Валландера, тогдашнего декана матмеха. Его лекции были фундаментальным курсом аэрогидродинамики, прочитанным большим ученым.

Целина 1967 года. Гурьевская область. В верхнем ряду слева направо: Татьяна Хантулева, Галина Изотова, Екатерина Ковалева, Людмила Сулягина, Валерий Воробьев. Справа внизу — Давид Эпштейн.

И ещё один очень важный человек — Александр Данилович Александров. Он уже не был в это время ректором, но приезжал в Ленинград и по крайней мере раз в год выступал с публичными лекциями перед студентами. Он был готов отвечать на любые вопросы, был блестящим оратором и, очевидно, ярким человеком (при этом — академиком и учёным с мировым именем). Я рада, что слышала его.

Конспекты я писала на первых курсах. Потом у меня было свободное расписание, и как-то не очень тянуло на лекции. Помню, как лекции по матфизике (Дергузова) мы писали по очереди, с одним товарищем, под копирку. А лектор был творческий, теорему доказывал на доске заново каждый раз, и нередко накануне тщательно записанные выкладки на очередной лекции перечеркивались со словами: «Это — наплевать и забыть, доказываем по новой». Видимо, где-то ошибка не была исправлена, потому что в зимнюю сессию четвёртого курса я провела практически всё время подготовки к матфизике в попытках понять доказательство одной теоремы по своему конспекту. Поняв тщету этих усилий, я это доказательство вырвала из конспекта и взяла с собой — на всякий случай. Шпаргалок я никогда не делала из лени, а попасть на эту поганую теорему безоружной не хотела. Разумеется, я её и

вытащила, всё честно переписала и села отвечать самому лектору. «Я этого перехода не понимаю» — сказал он мне ровно на том месте, где и я это говорила. В результате я первый и последний раз самостоятельно доказала теорему в предмете, который и сейчас кажется мне весьма непростоим. В экстремальных условиях обостряются возможности организма...

Атмосфера на матмехе для меня была очень интересной, но, к сожалению — излишне стимулирующей к общественной активности.

День матмеха — конечно, замечательное событие, но поскольку я была там не просто зрителем, а до какой-то степени участником подготовки, то это был не День матмеха, а Несколько Недель Лёгкого Кошмара. Гимн матмеха — это святое. Просто главная песня в жизни. За песенники тоже большое спасибо, без песен мы бы просто пропали на стройках и полях...

Что дал лично мне комсомол? — В эти три года я была в гуще событий, мне было интересно то, что я делаю, и я считала, что это — важные дела, не только для меня. Я хотела, чтобы выпускники матмеха были вполне интеллигентными людьми, с широким кругозором и гражданской ответственностью, — и считала, что именно это и должен формировать комсомол на факультете. Если говорить о том, что мне дали

Целина 1966 года. Кокчетавская область. Бойцы ССО матмеха. Девушки (слева направо): Екатерина Голова, Арина Архипова, Татьяна Тарновская, Ирина Казанцева

эти годы для будущего — чёткое понимание границ своей выносливости. Больше никогда я не поддавалась искушению исправления человечества за пределами себя, старалась выбирать те занятия, где отвечала только за себя. Ну и, наверное, психика как-то закалилась.

К свободе привычки у меня не было, я знала, что и где можно говорить. Другое дело, что я, по моему, никогда не говорила то, чего не думала, здоровье не позволяло. Но из того, что думала, говорила совсем не всё. Хотя тогдашний матмех был, мне кажется, вполне либеральным местом, где уровень дискуссий на разные темы был достаточно высоким.

Моё отношение к стране не менялось, сколько себя помню. Это отношение к дому, в котором — если тебе что-то не нравится — исправляй. Любовь к стране никогда не значила любви к правительству: это было для меня очевидным до чтения Герцена и/или Солженицына, так было принято в семье. Если говорить о какой-то динамике, то она — в размерах той ϵ -окрестности, в которой я считала себя обязанной вмешиваться в события, и определялась не ситуацией в стране, а моим здоровьем. Его для борьбы оказалось слишком мало.

Я хотела жить и работать так, чтобы положение приближалось к тому, что я считала правильным.

Собственно говоря — жить не по лжи. В ретроспекции — я не вижу ничего другого.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЕКАТЕРИНЫ ГОЛОВОЙ (курс 1964–69):

Матмех находился тогда на 10-й линии В.О., в здании бывших Бестужевских курсов. Помню, как меня поразил «почтовый ящик» при входе на факультет: застекленные двери тамбура были очень удобны для втыкания записок и всегда были заполнены — входящий сразу их видел и мог разыскать свою (о мобильниках тогда даже в фантастических романах не писали). Естественно, первокурсники быстро оценили этот способ передачи информации.

Очень хорошо помню первую лекцию. Ее читал Борис Михайлович Макаров всему курсу сразу — и механикам, и астрономам, и математикам. В 66-ю аудиторию набилось (иначе не скажешь) 300 человек. Б.М. рассказывал, что такое математика и чем она занимается. Тогда я первый раз услышала, что «я могу доказать, что черти зеленые, если вы мне докажете, что они существуют!». Позднее выяснилось, что нашему курсу чрезвычайно повезло: Б.М. читал нам матанализ 4 семестра, а потом еще и ФА (функциональный анализ — ред.!).

А читал он лекции чрезвычайно образно и понятно. Позднее я использовала приемы Б.М. в своей преподавательской работе.

Нам, зеленым и необстрелянным, было все интересно. Высшую алгебру читал Д.К.Фадеев. На его лекции приходил не только наш поток — приходили аспиранты, студенты-механики и даже с других факультетов. Каждая лекция была небольшим спектаклем, в конце которого Д.К. оказывался растрепанным и весь в мелу, хотя начал лекцию аккуратненький и чистенький профессор. Но та страсть, с которой он относился к объектам лекции, будь то матрица или квадратичная форма, немедленно отражалась на его внешности.

Очень помогли нам третьекурсники, которые где-то в сентябре попытались над нами шефствовать. Их пыла надолго не хватило, но один раз они к нам пришли и порекомендовали изучать лекции, разбившись на небольшие группы по 4-5 человек, что-то вроде микросеминаров. Благодаря этой затее у нас образовался микросеминар на четверых: Арина Архипова, Надежда Константиновна (Соколова), Татьяна Ларина и я, Катя Уланова (тогда), причем из спецшкол были только мы с Татьяной — она закончила 38-ю школу с физическим уклоном. К нам присоединялись и другие девочки из нашей группы: Наташа Кухаренок, Лида Козлова, Наташа Коновалова, но основной состав закрепился до конца второго курса. Это было очень полезное дело — разбираться в непривычном материале. Конечно, кое-что мне было знакомо из школы, но здесь все давалось шире и глубже, и без этого семинара я могла проскочить мимо важных основ.

Желание как можно скорее узнать как можно больше нас буквально захлестывало. Конечно, мы жутко обижались на старшекурсников, которые пытались объяснить, что «курица не птица, первокурсник — не студент». И очень хотелось узнать все и сразу, поэтому уже с осени 1-го курса мы начали посещать спецкурсы. Наиболее доступными оказались спецкурс по матлогике (Н.А.Шанин) и топологии (В.А.Рохлин). Кстати, для некоторых ребят это оказался выбор на всю жизнь.

В те времена жизнь на факультете была очень либеральной: еще только вводилась система коллоквиумов, зато широко практиковалась досрочная сдача зачетов и экзаменов, а также пересдача на более высокую оценку. Преподаватели охотно шли на это, так как при пересдаче с четверки на пятерку студент еще раз штудировал курс и, соответственно, лучше понимал прочитанное. Помню, что сдавать экзамены было действительно интересно — в беседе с лектором и решении оригинальных задач тут же, на месте, был азарт и удовольствие. Досрочная сдача вне сетки давала преимущество — каникулы начинались раньше, чем по календарю. Так, в первую же сессию мне удалось освободить себе 2 недели в январе и слетать в Новосибирск к оставшимся там друзьям, в весеннюю сессию мы тоже удлиннили себе каникулы на 2 недели.

Хорошо помню, как мы с Ариной на четвертом курсе решили досрочно сдать госэкзамен по английскому языку. Подбили на это дело еще студентов и сдали экзамен в ноябре вместо февраля. Как же было обидно, когда к февралю экзамен по иностранному языку вообще отменили!»

Еще на первом курсе я с сочувствием относилась к друзьям — студентам технических вузов, так как они, бедные, должны были просто запоминать массу материала, не имея возможности осознать его так глубоко, как этому учили в университете. В дальнейшем я еще больше полюбила нашу alma mater за фундаментальность подходов, так как именно такое образование позволяло сравнительно быстро разбираться в любых отраслях и конкретных ситуациях (быстро «въезжать» в любую тему).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРЫ ГРИЦКЕВИЧ (курс 1962–67, астроном/механик):

На матмех поступала из-за астрономии. Умер отец, и в мозгу зашевелились глобальные вопросы о смысле жизни и устройстве Вселенной. На экзамены поехала прямо с похорон, сдала всё на автопилоте, причём на от-

лично. На собеседовании Руслан Арсеньевич Лях спросил: «А что вы, собственно, читали по астрономии?» Ответила: «Детскую энциклопедию». Тогда она только вышла, впервые в СССР: толстенная, в жёлтой коленкоровой обложке, потрясающие статьи таких замечательных популяризаторов, как Шкловский и Опарин. Да ещё и полёт Гагарина! До сих пор помню обезоруживающе добрую улыбку Ляха. Он, маститый астроном, улыбался наивному детству.

Что ж, я была зачислена в астрономическую группу таких же чудачков не от мира сего (а в эту группу был самый, тем не менее, высокий проходной балл). После экзаменов все отправились на картошку, где подружились, а меня Лях отпустил домой — поддержать маму после похорон. Я приехала к сентябрю и несколько не вписалась в уже сложившиеся дружеские группки на факультете. Жили мы в общежитии в Смольном, ездить на факультет на Васильевский нужно было минут 40 на автобусе. Меня — сельскую жительницу, этакую Фросю Бурлакову, — страшно укачивало; морская болезнь — не шуточки для человека, не привыкшего к транспорту. Поэтому на первые лекции (или что там было) я не ходила, приводила себя в порядок где-нибудь в укромном уголке. За посещением никто не следил. Полная свобода и уважение к студентам. Итак, большую половину первого семестра я не посещала (ещё нос повредили на баскетболе, делали операцию), а никто никакой справки не потребовал. Естественно, ухватить нити наук было трудно. На практической алгебре Роберт Шмидт задолбал своими определителями. Какой-то многоэтажный я ему решила не знаю как, там каждый элемент первого представлял собой ещё один самостоятельный определитель, а там ещё, короче, чёрт знает что, но решила. Роберт Анатольевич зачет поставил... Другие зачёты кое-как заполучила, а ни одного экзамена не сдала, и думала, что такую тупицу будут с матмеха изгонять. Купила большой чемодан — увозить домой книги, которые успела закупить у букинистов...

Но с астрономией всё было ОК. Ездил в Пулковое на наблюдения, в главный корпус в маленькую об-

серваторию; было довольно интересно. И, чем чёрт не шутит, обнаглела, терять нечего: пошла к Ляху, он был замдекана, и говорю, что не могу в общежитии подготовиться к экзаменам, отпустите на каникулы домой, вернусь и всё сдам. Он отпустил. Возвратившись в конце февраля, что-то сдала, остался какой-то хвостик до весны. Но из астрономической группы попросила перевести меня в механики, потому что сочла себя недостаточно такой высокой науки, как астрономия. В какой группе механиков была — не помню, опять посещала плохо.

Помню газету «Экстремум» в вестибюле матмеха, и в ней — передовая статья «Апология математики» Харди, довольно интересная.

Помню свой первый День матмеха 12 апреля. Весь курс собрали в большой химической или физической аудитории на химфаке, — это же рядом, только вход со Среднего проспекта. Зал переполнен; за столом — все наши преподаватели. Элегантный и страстный геометр Борисов вскочил на стол и возопил: «Кто есть студент? Сосуд, который нужно наполнить, или факел, который надо зажечь?!» Мы дружно заорали: «Конечно, факел! Факел!» Стены дрожали от эйфорических воплей. Принесли керосиновую лампу со стеклом, поставили на кафедру, и Борисов зажёл «факел». Откуда ни возьмись, вскочил Валя Георгиевский, завернутый в общажную простыню, как в римскую тогу, и запел «Гаудеамус». (Голосок у него был неплохой, высокий и точный, хорошего тембра). Зал встал, все пели стоя, как бог на душу положил. Полная какофония — но зато какая эйфория!! Никогда не забыть! Преподаватели благословляли наш путь в науку...

Диплом писала у профессора Рэма Георгиевича Баранцева. Видный специалист в области аэродинамики. Подвижник, как ртуть, с живыми пронзительными глазами, с чудесным чувством юмора. При своей колоссальной занятости ни разу не опоздал на встречу с заурядной дипломницей. Казалось, весь день его расписан по секундам. Говорил быстро. Разговаривал уважительно, как с полноценным коллегой, при этом очень увле-

кался излагаемым материалом, развивая тему, тут же фиксировал всё на бумаге и буквально весь диплом за меня написал. Мне оставалось только оформить красиво и прочесть комиссии. Поняла тогда, что чем человек талантливее и значительнее как личность, тем он проще и уважительнее относится к людям обыкновенным, не подавляя и не унижая своим превосходством, как мы часто наблюдаем у начальников разных рангов, которых ставит над людьми должность, а не талант.

Р.А.Лях говаривал: «К нам на матмех дураки не поступают». На экзаменах разрешали пользоваться какой угодно литературой — лекциями, справочниками, учебниками. Говорили, что всё запомнить невозможно, и в будущей жизни и работе важно знать, как пользоваться справочниками и литературой. И это пригодилось — уметь из большого объёма выделить «соль соли», быстро и наверняка. Для хорошей и, тем более, отличной оценки предлагалась задача — тут-то и видно было, кто чего стоит. Очень умно, я полагаю. Учили мыслить. Тупая зубрёжка никому в жизни не пригодилась. Ибо почти всем сразу было сказано: «забудьте индукцию и дедукцию — давайте продукцию...»

Разрешалось посещать лекции на других факультетах. Я бегала на биофак. Слушала лекции профессора Васильева о телепатии, биоэнергетике. Кое-что слушала по генетике. Такие свободные флуктуации с факультета на факультет оправдывали само название Университет, ведь часто именно на стыках наук возникают прорывы в новое.

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
ВЛАДЕЕВОЙ
(в 1970-е — Алёны Нищенко,
курс 1972–77, кафедра
вычислительной математики
и методов вычисления):**

Конкурса особого на матмехе тогда не было, главное было провратиться на письменной математике, после которой конкурс, собственно, и уменьшился сразу вдвое. Задачи составлялись не без юмора. Одну приблизительно

помню до сих пор: в озере на расстоянии «а» от берега находится крокодил. Вокруг него в вершинах углов равностороннего треугольника со стороной «b» располагаются три акулы. Вопрос: какой должна быть скорость «v» крокодила, чтобы он успел удрать от акул, если скорость каждой акулы «v0»? В общем — письменную математику я всё же сдала, на матмех поступила...

Сразу же нас отправили на картошку в д. Пристань. Жили в деревянном бараке, разделенном на две большие комнаты, с деревянными печками. Спали на деревянных нарах, на матрасах и подушках, набитых сеном. Одежду стирали прямо в ближайшем водоёме. Романтика! У меня тогда появилось много новых друзей. К концу сентября мы всё чаще стали вспоминать город, говорили об учёбе. Не терпелось скорее на лекцию, открыть тетрадку и начать вести конспект.

И вот — первый учебный день. Первое впечатление: О-О-О-ОИ! Не успеваю разобраться, не успеваю подробно записать, да и вообще: как это всё запомнить?! И столько разных математик! Тем более — после «провинциальной» школы, где всё было так легко и понятно. Особенно тяжело было на первых курсах. Поэтому и оценки были... не очень. К пятому курсу постепенно перешла на пятёрки и четвёрки. Среди нас было много умных ребят из физматшкол. Им было на первом курсе явно легче, многое они уже знали. А нам, остальным, приходилось долго и трудно адаптироваться.

Преподаватели на матмехе были, уф-ф-ф, солидные! Профессора, доктора! А те, что помоложе — тоже казались какими-то необыкновенными. Зам. декана нашего курса был Владимир Николаевич Фомин. Необыкновенный был человек! Доброжелательный, тактичный, с чувством юмора. Уважал каждого человека, с которым разговаривал. Я слышала, что его уже нет с нами. Как жаль...

Довольно скоро, после первого провала по матанализу, я научилась быстро и подробно вести конспекты. Они даже имели успех у однокурсников. Постепенно теоретический материал становился

более понятным. На практических занятиях было труднее, подтянулась только ближе к концу учёбы. Было ясно, что здесь не разжуют и не положат в рот, как это было в школе. Помогали более успевающие однокурсники, спасибо им...

Запомнились почему-то «Мерседесы» и «Рейнметалл». Это было что-то! Но после арифмометров — уже прогресс. Программирование я тоже не сразу освоила. Но фундамент был заложен, и в дальнейшем, когда я работала программистом, для меня уже не представляло сложностей осваивать всё новые и новые языки.

На занятиях физкультурой я, не проявив особых талантов ни в одном виде спорта, попала в группу общефизической подготовки, которая после окончания строительства университетского бассейна плавнио трансформировалась в секцию плавания. Мы даже полгода поплавали в бассейне. Для получения зачёта по физкультуре достаточно было просто сдать все нормы ГТО. Нормы сдавались легко. Все, кроме лыж. Так как в Николаеве со снегом было не очень — на лыжах бегать и даже просто ходить я не умела. Ну, то есть — абсолютно! Помню, в Петергофе меня поставили на лыжи и сказали: сдавай зачёт. 3 км надо было пробежать. Ну... бежала... Периодически слышала сзади: «Лыжню!». Еле успевала отскакивать в сторону. Когда пришла к финишу — меня, по-моему, уже собирались искать. Девчонки потом, ухохатываясь, пытались повторить мою «лыжню» походку. В общем — лично мне потом лыжи заменили бегом на «выносливость». Зачёт в результате сдала.

Наше общежитие № 8 тогда было на Детской ул., 50. Самата я жила у бабушки, но в «восьмёрочку» к девчонкам приходила часто. Какая-то аура там была... Да и потанцевать по субботам любила. А во время сессий вообще переселялась в «общагу». Так было удобнее готовиться к экзаменам. Мы, кто чем мог, помогали друг другу.